

RU

«Окраины» Российской империи в геополитической картине мира Достоевского

Михновец М. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить специфику понимания Ф. М. Достоевским «окраинного вопроса» в 1860–1870-е гг. В статье показано, каковы предпосылки возникновения интереса писателя к проблеме российских окраин, каким образом она трактуется в «Дневнике писателя». Научная новизна работы: впервые выявлена позиция Достоевского относительно геополитического положения окраин в составе Российской империи. В результате исследования определено: для писателя окраины – это в первую очередь западные пограничные территории России, которые характеризуются геополитическим напряжением на этнокультурной, социокультурной и конфессиональной почве, а также остротой еврейского вопроса.

EN

“Borderlands” of the Russian Empire in Dostoevsky’s Geopolitical Worldview

Mikhnovets M. V.

Abstract. The study aims to identify specifics of F. M. Dostoevsky’s understanding of the “borderlands issue” in the 1860s and 1870s. The article shows what kind of prerequisites sparked the writer’s interest in the issue of the Russian borderlands, how it is interpreted in “A Writer’s Diary”. The work is novel in that it is the first to determine Dostoevsky’s standpoint on the geopolitical position of borderlands within the Russian Empire. As a result of the study, it was found that for the writer, borderlands are primarily the western border territories of Russia characterised by geopolitical tension on ethno-cultural, socio-cultural and confessional grounds, as well as the Jewish issue severity.

Введение

Творческое наследие Ф. М. Достоевского характеризуется особым вниманием к геополитическим вопросам. В последнее время появился ряд исследований, посвященных изучению геополитической картины мира писателя [10–12; 17]. Авторы статей неоднократно подчеркивали, что она во многом обусловлена колониально-империалистическими воззрениями Достоевского. Действительно, зафиксированные в художественном и публицистическом творчестве взгляды классика на Кавказ, Польшу, Остзейские провинции, киргизские степи и т.д. являют собой, с одной стороны, яркий пример репрезентации так называемого колониального дискурса. С другой стороны, геополитические воззрения писателя не могут быть всесторонне проанализированы и описаны исключительно в рамках методологии постколониальных исследований. Только на первый взгляд Достоевский мыслит территории Российской империи в пределах представлений об оппозиции центра – периферии, «своего» – «чужого», а также видит Сибирь, Среднюю Азию и Кавказскую губернию как внутренние колонии. При более подробном рассмотрении геополитической картины мира писателя оказывается, что каждый регион страны является для писателя своеобразной точкой преломления его сложных историофилософских воззрений.

Проблеме окраин в составе Российской империи XIX века посвящено большое количество работ по геополитике и политологии. Значительный вклад в изучение этого вопроса внесла современная иркутская исследовательница И. Л. Дамешек [3–6], основной фокус её внимания сосредоточен на Сибири. Другие исследователи рассматривают в свете окраинной проблематики территории Средней Азии, Кавказа, Польши, Финляндии [1; 16]. При этом произведения русской литературы, как правило, не становятся материалом для геополитического исследования так называемого «окраинного вопроса». Труды отечественных публицистов середины XIX в. оказывались предметом изучения [9; 14; 15], однако творчество Достоевского-писателя, как и его публицистическое наследие, в поле внимания политологов и специалистов по геополитике не попадало.

В литературоведении специальных исследований, целью которых было бы изучение места окраин в геополитической картине мира Достоевского, также нет. Только в комментариях первого академического Полного собрания сочинений, посвященной главе «Дневника писателя» за май 1876 г. «Областное новое слово», исследователи косвенно рассматривали «окраинный вопрос» [7, т. 23, с. 356-358]. В названной главе Достоевский обращался к литературе «областей и окраин» Российской империи, к проблеме самобытности местных публицистических изданий. Он писал, что «области и окраины» «решительно хотят зажить своеобразно и чуть ли не эмансипироваться от столиц совсем» [Там же, с. 6]. Авторы комментария воссоздали социально-исторический контекст, обусловивший интерес Достоевского к проблеме, и поясняли: статья явилась «откликом Достоевского на полемику о “местной” литературе и провинциальной печати, которая была ответвлением дискуссии о централизованном и федеративном устройстве России» [Там же, с. 356]. Комментаторы раскрыли сущность негативного отношения Достоевского к «сепаратистским настроениям» в России, подчеркнули веру писателя в необходимость государственного единства и убежденность в неразрывной связи Москвы и Петербурга с «областями и окраинами». Писатель подчеркивал: обе столицы постоянно подпитываются окраинами, творческими и интеллектуальными ресурсами людей, приезжающих в эти города. Поэтому государственная, культурная политика исходит вовсе не однонаправленно из Петербурга, на самом деле заключает в себе волеизъявление всех «областей». Подобная общность центробежных и центростремительных сил в государстве, по Достоевскому, является фундаментальным основанием его единства. При этом, не ставя под сомнение важность сделанных исследователями наблюдений, отметим: к вопросу о том, что представляют собой «окраины» в понимании писателя, авторы комментария не обращаются.

Близко к интересующей нас проблеме «окраин» подошла в статье «Провинция как духовно-культурный феномен: по страницам “Дневника писателя” Достоевского» Г. Г. Ермилова [8]. Однако проведенный нами лексический и лексико-тематический анализ показал: для Достоевского содержание образа окраины не тождественно образу провинции, периферии, границы. Другие исследования, напрямую или косвенно обращающиеся к теме окраин в картине мира Достоевского, нам неизвестны. Эти исследовательские лакуны определили актуальность настоящей работы.

Поставленная цель исследования обусловила задачи настоящей статьи: выявить, во-первых, предпосылки возникновения интереса Достоевского к окраинному вопросу. Во-вторых, необходимо определить, каковы, с точки зрения писателя, исторические корни этого вопроса. В-третьих, требуется описать, какие геополитические конфликты в картине мира писателя связаны с окраинами Российской империи, и выявить, какие земли Достоевский причисляет к ним. В-четвертых, нужно определить, какова связь между окраинным и еврейским вопросом прослеживается в творчестве писателя.

В качестве теоретической базы исследования геополитической картины мира писателя был изучен и обобщен широкий круг работ. Среди них классические труды по геополитике К. Флинта [18], К. С. Гаджиева [2]; метагеополитические исследования, описывающие историю развития «окраинного вопроса» в России XIX в., И. Л. Дамешек [3-6], М. А. Витухновской [1], А. А. Чемакина [16]; работы, посвященные художественным произведениям и находящиеся на стыке литературоведения и геополитики, М. В. Подрезова [11; 12], Е. Г. Новиковой [10], А. И. и Н. Г. Щербининых [17].

В работе сосуществуют приемы литературоведческих и геополитических методов исследования: сравнительно-исторического, структурно-тематического; метод палеогеополитического исследования.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов, посвященных творчеству Ф. М. Достоевского, в частности такому его произведению, как «Дневник писателя», а также на спецкурсах, посвященных теоретическим основаниям геоэтики и палеогеополитики. Кроме того, полученные выводы могут быть важны для понимания особенностей культурного диалога между современной Россией и Латвией, Польшей, для решения межнациональных конфликтов. В этом заключается практическая значимость исследования.

Предпосылки формирования интереса писателя к окраинному вопросу

В докаторжный период, а также в 1860-е гг. Достоевский не обнаруживает интереса к окраинному вопросу. Впервые само слово «окраины» встречается в 1873 г. в рукописной редакции статьи для «Дневника писателя» под названием «Мечты и грёзы». Позднее, в записных тетрадах 1875-1876 гг., он несколько раз отмечает своё намерение сосредоточиться именно на них: «Мы не то время, но о войне, о будущем поговорим (о наших окраинах опять не успел)» [7, т. 24, с. 149]. Позднее там же читаем: «Откуда же внешний толчок придет – война. О войне вообще. Затем Европа и, может, об окраинах» [Там же, с. 157]. И некоторое время спустя следует помета: «С В. В. Григорьевым поговорить: 1) о провинциальной печати и 2) о наших азиатских окраинах» [Там же, т. 27, с. 112]. Заметим особо, что Достоевский подчеркивает: речь идет не об окраинах в целом, а именно об азиатских. Писатель, сначала на страницах записных книжек несколько раз обозначив свое желание обратиться к вопросу окраин, позднее фиксирует это намерение и на страницах январской главы «Дневника Писателя» за 1876 г. «Спиритизм. Нечто о чертях...». В самом начале появляется фраза: «Но вот, однако же, я исписал всю бумагу, и нет места, а я хотел было поговорить о войне, о наших окраинах; хотелось поговорить о литературе, о декабристах и ещё на пятнадцать тем по крайней мере» [Там же, т. 22, с. 32]. Всё это в целом подтверждает наш тезис о неугасающем интересе Достоевского к «окраинному вопросу».

Вероятнее всего, обострившийся в конце 1860-х – начале 1870-х гг. интерес Достоевского к проблеме краин был обусловлен знакомством с книгой публициста-славянофила Ю. Ф. Самарина «Окраины России» (1869) [13]. С 1867 г. по 1871 г. Достоевский жил за рубежом и несколько раз обращался к друзьям, находившимся в России, с просьбой прислать эту книгу. В письме от 6 апреля 1869 г. Достоевский делился с Н. Н. Стаховым: «Я бы желал иметь несколько книг, которых я до сих пор еще не читал, а именно: “Окраины России” Самарина и всю “Войну и мир” Толстого» [7, т. 29, кн. 1, с. 35]. На это письмо Страхов ответил, что книга была опубликована в Праге, отечественная цензура её не пропустила, поэтому Достоевскому проще будет получить её в Европе.

«Окраины России» критики и общественные деятели того времени называли «опасной книгой» из-за той проблематики, которую в ней рассматривал автор в связи с так называемым «остзейским вопросом». В своих опасениях были едины как приверженцы консервативных, так и либеральных идей. В основе книги Самарина был личный опыт: в 1840-х гг. он служил в Прибалтике, его раздумья об общественно-политической и социальной ситуации в Остзейских провинциях вошли сначала в «Письма из Риги» (1849). Самарин характеризовал поведение остзейских немцев как агрессивное по отношению и к коренному латышскому населению, и к русским. По словам публициста, остзейцы «взывали к общественному мнению Пруссии в надежде на ее поддержку землякам против русского “нажима”» [9, с. 137], они ставили купцов и мещан русского происхождения в зависимое от себя положение. «Опасность» же новой книги Самарина заключалась в том, что он убедительно показывал те особенности общественно-социального устройства жизни Рижских земель, причины, которые могут побудить Остзейские провинции стать «второй Польшей». Речь шла о недавних событиях отечественной истории – освободительном восстании в Царстве Польском, которое произошло в 1862 г., за семь лет до выхода «Краин России». Самарин подчеркивал сложность геополитической ситуации не только на западе, но и на юге. Он видел неминуемое начало новой войны с мусульманской Турцией, акцентировал внимание на ущемленном положении балканских славянских православных народов. При этом, по мысли Самарина, межконфессиональное напряжение характерно не только на территории земель, пограничных с мусульманскими странами. Не менее остро стоит вопрос религиозной нетерпимости и в Остзейских провинциях: местное коренное население, а также русские оказываются под давлением немцев-протестантов.

Книга Самарина произвела на Достоевского сильное впечатление. В его записях за 1875-1876 гг. читаем: «Высший смысл этой книги совпадает с древним пониманием народа о своем значении» [7, т. 24, с. 181]. Судя по всему, рассуждения Самарина оказали влияние на геополитические воззрения Достоевского. Более того, представляется, что именно книга «Окраины России» и задала основной объем проблематики, которую связывает Достоевский с «краинами».

Перечислим вопросы, которые присутствуют в книге Самарина и которые постоянно поднимает в публицистике Достоевский. Заметим, что вслед за Самариным Достоевский понимает под краинами в первую очередь прибалтийские губернии и гораздо в меньшей степени иные территории, находящиеся на периферии Российской империи. Первый вопрос – это стремление российских краин к отделению и независимости, желание «обособиться». Второе, что занимает Достоевского, – ослабление как административной, так и культурной связи между центром страны и краинами. Третий вопрос связан с нарастающим на территории краин геополитическим напряжением, спровоцированным доминированием местного населения над русским. Достоевский остро реагирует и на ещё один процесс: стремление неправославных конфессий занять ключевое положение как в системе локальных социальных институций, так и в формировании определенно-го типа мировоззрения у местного населения.

Исторические корни краинного вопроса в картине мира Достоевского

В картине мира Достоевского проблематика «краинного вопроса», конечно же, выходит за пределы объема, изначально заданного книгой Самарина. Принципиально важно, что для Достоевского эта проблематика обусловлена не только современными геополитическими изменениями: стремительным расширением территорий Российской империи на юге и юго-востоке, влиянием стран Западной Европы на её приграничные территории и т.д. Хронологические рамки «краинного вопроса», с точки зрения писателя, выходят за пределы не только середины XIX в., но и начала XVIII в.: история вопроса уходит корнями в многовековой путь развития страны. В частности, писатель неоднократно отмечает, что присоединение и укрепление краин было одним из важнейших общегосударственных дел России ещё в допетровскую эпоху.

В главе «Сбивчивость и неточность спорных пунктов» из «Дневника писателя» за апрель 1876 г. Достоевский размышляет об особенностях развития Европы по сравнению с Россией и говорит о том, что «на протяжении тысячелетия... русские колонизировали дальнейшие края своей бесконечной родины, русские отстаивали и укрепляли за собою свои краины, да так укрепляли, как теперь мы, культурные люди, и не укрепим, а, напротив, пожалуй, еще их расшатает. К концу концов, после тысячи лет – у нас явилось царство и политическое единство беспримерное еще в мире» [Там же, т. 22, с. 111]. Эту мысль Достоевский развивает и в июньском номере журнала за этот же год в главе «Утопическое понимание истории»: «Допетровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себе единство и готовилась укрепить свои краины; про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, – православие» [Там же, т. 23, с. 46]. В освоении «дальнейших краев родины» и их укреплении Достоевский видит одно из основных направлений внутренней и внешней политики страны на протяжении всей её

истории. Любопытно при этом, что для автора единство государства стоит выше, чем его достижения в сфере науки и культуры. Он счел необходимым оговорить: отечественная наука отстает в развитии по сравнению с западной, однако дело не в «пассивности» русских, а в особых приоритетах. По Достоевскому, в то время как Европа «изобретала науку», «русские... проявляли не менее изумляющую деятельность: они создавали царство и сознательно создали его единство» [7, т. 22, с. 111]. А как было показано выше, основой единства для допетровской России была не культура и не наука, в частности, а «подлинное православие».

Окраины Российской империи как зона геополитического напряжения: «расшатывание» и «пагубное влияние» Запада

Для Достоевского окраинный вопрос в XIX в. характеризуется тенденцией, противоположной сложившейся на протяжении целого тысячелетия. Она заключается в так называемом «расшатывании» окраин, их «отчуждении». Писатель обращается к проблеме обособления окраин неоднократно в публицистике и единожды – на страницах художественного произведения, в подготовительных материалах к роману «Бесы». Заметим при этом, что Достоевский преимущественно говорит о западных окраинах страны. Так, в набросках к речи Шатова автор осмысляет позицию либерально настроенной общественности по поводу национальной самобытности европейских народов и русских: «Целые газеты, журналы, люди серьезные, даже иные профессора и начальники – стоят за идею раздробления России и отчуждения наших окраин! Разве это не столь же глупо! <...> Разве идея о том, что всем народам на Западе надо быть национальными и их за то уважать и за всяким с благоговением признавать всю особенность его народного развития, а русским непременно надо быть не самими собой и даже в идее не предполагать в нем особенностей – не есть глупее всего, что пишут об артелях эти мальчишки в своих прокламациях?» [Там же, т. 11, с. 108]. В первой части высказывания Достоевский определяет саму проблему: «раздробление и отчуждение» окраин. В его второй части писатель раскрывает, что именно им понимается под процессом «расшатывания»: прежде всего речь идет об усилении местного, национального самосознания на западных рубежах страны и об одновременной утрате исконно русскими землями своей самобытности.

В последующих работах Достоевский раскрывает свою мысль в новых аспектах. Так, в записной тетради за 1875-1876 гг. он отмечает: «Но до реформы Петра окраины были крепче, колонизация сильнее» [Там же, т. 24, с. 180]. Подчеркнем, что для Достоевского при обращении к окраинному вопросу упоминание фигуры Петра Первого является своеобразной константой, хотя содержание её варьируется. Зачастую с эпохой царствования императора-реформатора Достоевский связывает не процесс присоединения в состав государства новых окраинных земель, а говорит о противоположном процессе – об «ослаблении» окраин. В чем кроется его причина?

Ответ на этот вопрос можно найти в рукописной редакции главы «О том, что все мы хорошие люди...», которая была опубликована в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. На полях рукописи читаем: «Русская личность, поработанная при Петре и отданная нам теперь, – в пути, а вне, в Европе, кончилось тем, что мы всем слуги, даже окраины ослабели и расшатались» [Там же, т. 22, с. 185]. Продолжает развивать эту же идею Достоевский в подготовительных материалах к главе «Война», позднее опубликованной в «Дневнике писателя» за апрель 1876 г.: «Россия со времени того, как вошла в состав Европы (с царствования Петра Первого. – М. М.), ущерб Европе не нанесла, а лишь вся служила Европе, нередко в страшный ущерб самой себе. <...> Много ли выиграла Россия. Даже европейские ее окраины стали не так крепки с начала нынешнего столетия, чем были они в конце прошлого» [Там же, т. 24, с. 120-121]. Получается, что «ослабление» окраин связано с тем, что Россия начала ориентироваться не на свои собственные потребности, а поступаться ими в угоду европейским государствам, западным ценностям. При этом, по мысли Достоевского, подобные уступки – вовсе не результат слабости России. Такое внутреннее «ослабление» есть следствие специфики той самой основы единства России, о которой говорилось выше, – «подлинного православия». Православное служение России Европе носит миролюбивый и подлинно христианский характер. Согласно Достоевскому, это «невинное» служение, имеющее своей целью помочь европейским государствам «отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий; собраться с духом и, ощутив свою новую силу, принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации» [Там же, т. 23, с. 47].

Парадоксальным образом Достоевский, подчеркивая негативный эффект преобразований и реформ Петра Первого для окраин, не ставит под сомнение роль императора в самом процессе освоения западных границ. Более того, его деятельность оказывается «золотым веком» России с точки зрения завоевания территорий, которые в дальнейшем и станут окраинами. В черновом автографе главы «Мечты и грезы» для «Дневника писателя» за 1873 г. Достоевский задает риторические вопросы: «Можем ли мы это? Великая ли мы держава? Мы даже не можем наших окраин обрусить и тем предаем их во власть чужеземцам. Хуже, чем не можем, – не хотим, считая их недостойными серьезного внимания, и тем самым прямо признаемся и себе и миру, что недостойны наших великих завоеваний прежних времен, что недостойны петровских трудов в отвоевании Балтийского моря, что недостойны екатерининской границы на западе и что границы наши по Днепр и более ничего» [Там же, т. 21, с. 313]. Обратим внимание, какие именно регионы упоминает Достоевский, говоря об окраинах. Для писателя «окраинами» снова оказываются прибалтийские земли и границы «по Днепр»: территории, присоединенные после раздела Речи Посполитой, то есть земли Царства Польского.

Напомним, что именно эти земли упоминаются в книге Самарина, о которой было сказано выше. Этот публицист писал в 1860-х гг. о превалировании в западных «окраинах России» местных законов над общими законами империи, об эскалации влияния европейских держав, а также об увеличении значимости иных, неправославных, конфессий. Подобная проблематика связана с окраинами и в публицистике Достоевского 1870-х гг.

Западные земли Российской империи, по мысли Достоевского, наиболее всего подвержены «пагубному» влиянию Европы. Эти территории, «заселенные инородцами и чужеземцами, из года в год всё более и более крепчающими в индивидуальности своих собственных инородческих, а отчасти и иноземных соседских элементов» [Там же], испытывают давление извне, главным образом со стороны католического Рима и Германии. Прогерманские настроения, возникшие после объединения немецких земель, усиливаются в остзейских провинциях, Польша подвержена влиянию «римских клирикалов». Этому давлению Ватикана на Царство Польское посвящена целая глава «Дневника писателя» за октябрь 1877 г. В ней Достоевский выражает свое возмущение по поводу высказанной в либеральной прессе мысли о якобы существующем угнетении католицизма в Польше. С точки зрения писателя, в многоконфессиональной Российской империи не только нет угнетения иноверцев, но наличествует и обратная ситуация: в исконно русских землях католический пастор может иметь более привилегированное положение, нежели православный священник.

Таким образом, для Достоевского сложность окраинного вопроса заключается не только в том, что непосредственно в самих пограничных землях растут обособленческие настроения, укрепляется местное самосознание и современная Россия не может «обрушить» свои окраины. Опасение Достоевского вызывает то, что привилегированное положение обитателей окраин с точки зрения государственного юридического права, а также особое отношение к «нашим инородцам», присутствующее в общественном сознании, на бытовом уровне влечет за собой притеснение собственно русского населения на землях, где они жили столетиями. То, что, например, немецкоязычное население, отстаивающее свою самобытность в остзейских провинциях, встречает поддержку либеральной и прозападно настроенной общественности, вовсе не означает, что такое же одобрение может вызывать национальный подъем среди русского населения. То, что возможно для национальных меньшинств, недопустимо в отношении русских. Парадоксальным образом русские оказываются в угнетенном состоянии в своей же стране, на своих же землях. Подчеркнем: в данном аспекте проблематика окраинного вопроса в понимании Достоевского пересекается с проблематикой так называемого «еврейского вопроса».

Еврейский вопрос в свете окраинной проблематики

В картине мира Достоевского стремящиеся к обособлению окраины – это не только конкретные регионы страны, как, например, Остзейские провинции и Польша. В картине мира писателя можно выявить некие обобщенно-условные территории Российской империи, географическое положение которых не детерминировано, но которые тем не менее постоянно определяются писателем как «окраины». Общей характеристикой таких земель является то, что они или уже заселены «жидами», или могут быть ими заняты. Так, в записной тетради за 1876-1877 гг. на страницах подготовительных материалов к «Дневнику писателя» читаем: «Правительство должно. Кроме того, что укрепит окраину. Не то вторгнется жид и сумеет завести своих поселенцев (не жидов, разумеется, а русских рабов)» [Там же, т. 24, с. 227]. Из этой заметки видно: для Достоевского геополитическое напряжение на окраинных территориях связано не только с вмешательством извне, но и с усилением роли еврейского населения в социально-экономической структуре общества. Позднее эти размышления вошли в мартовский номер «Дневника писателя» за 1877 г. в главу «Status in statu. Сорок веков бытия». Процитируем некоторые фрагменты этой главы, особо подчеркивая те суждения, где проблематика еврейского вопроса напрямую коррелирует с окраинным: «...вся деятельность евреев в этих наших окраинах заключалась лишь в постановке коренного населения сколь возможно в безвыходную от себя зависимость, пользуясь местными законами. О, тут они всегда находили возможность пользоваться правами и законами. Они всегда умели водить дружбу с теми, от которых зависел народ, и уж не им бы роптать хоть тут-то на малые свои права сравнительно с коренным населением. <...> Потому что русский народ в окраинах России оказался слабее европейских народов (и единственно вследствие жестоких вековых политических своих обстоятельств), потому только и задавить его окончательно эксплуатацией, а не помочь ему?» (курсив Достоевского. – М. М.) [Там же, т. 25, с. 84].

Видно, что проблематика фрагмента тождественна той, что занимала Достоевского в связи с остзейскими провинциями: привилегированное положение немецкого населения по сравнению с бесправным статусом коренного населения – латышей и даже русских.

Получается, что для Достоевского принципиальной чертой окраинных территорий является опасность вытеснения или же притеснения русского населения, его культуры и языка. Происходит процесс некой обратной колонизации, объектом которой оказываются этнические русские. Причем неважно, исходит ли потенциальная угроза со стороны коренных этносов или же изначально не живших на этих землях. Так, например, Достоевский опасается торжества «жида» и на прибалтийских окраинах России, и в Крыму. В «Дневнике писателя» за июль-август 1876 г. в статье «Выезд за границу. Нечто о русских вагонах» писатель «рискованно соглашается» с позицией «Московских ведомостей» о «выселении из Крыма татар и о «запустении края»» [Там же, т. 23, с. 55]. Позиция газеты следующая: «Нечего жалеть о татарах – пусть выселяются, а на их место лучше бы колонизировать русских» [Там же]. Вопрос видится Достоевскому не только политическим, он «выставляет и прямо экономическую потребность края», поскольку «крымские татары даже доказали свою неспособность правильно возделывать почву

Крыма и что русские, и именно южнорусы – на это гораздо будут способнее» [Там же]. И в качестве сценария, альтернативного предложенному, писатель видит вытеснение русских еврейским населением: «...если не займут места русские, то на Крым непременно набросятся жидаи и умертвят почву края» [Там же].

Наличие связи в сознании Достоевского между проблемой окраин, еврейским вопросом и фактом второстепенной роли русского языка прослеживается и в письме жене Анне Григорьевне от 4 августа 1876 г. из Эмса: «Один, ни лица знакомого, напротив, всё такие гадкие жидовские рожи. Хотя и редко, но слышен иногда и русский говор, но кто эти русские – никто не знает, всё из окраин России» [Там же, т. 30, кн. 1, с. 97]. В личном письме Достоевский не обращается специально ни к еврейскому, ни к украинскому вопросу, но мы видим, что и то и другое вызывает острую реакцию писателя и за упоминанием одной проблемы сразу же следует упоминание другой.

Интересен исторический парадокс: рискуя утратить свою мощь, Россия укрепляет окраины, проигрывает Западу в уровне развития культуры и науки, твердо придерживаясь православных представлений. Однако затем именно эти окраины подвергаются западной колонизации, что изнутри подтачивает Россию, а русские, живущие на окраинах, становятся порабощенными.

Представляется, что для Достоевского украинный вопрос является одним из аспектов славянского вопроса в целом. В пользу справедливости этого тезиса свидетельствуют рассуждения на страницах подглавы «На какой теперь точке дело» из «Дневника писателя» за декабрь 1876 г.: «Славизм, то есть единение всех славян с народом русским и между собою, и политическая сторона вопроса, то есть вопросы о границах, окраинах, морях и проливах, о Константинополе и проч. и проч., – всё это вопросы хотя, без сомнения, самой первостепенной важности для России и будущих судеб ее, но не ими лишь исчерпывается сущность Восточного вопроса для нас, то есть в смысле разрешения его в народном духе нашем» [Там же, т. 24, с. 61].

Заключение

Таким образом, в статье впервые выявлена позиция Достоевского по украинному вопросу: в картине мира писателя к окраинам относятся пограничные, периферийные земли Российской империи, однако первостепенным основанием для их причисления именно к окраинам является не просто их географическое положение, а наличествующее геополитическое напряжение. На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Возникновение у Достоевского интереса к украинному вопросу во многом было обусловлено знакомством с книгой Ю. Ф. Самарина «Окраины России». Ей же был задан основной объем проблематики, связанной в сознании Достоевского с образом окраин.

2. Для писателя временные границы украинного вопроса не сводятся к современности – середине и второй половине XIX века. В картине мира Достоевского история украинного вопроса уходит вглубь отечественной истории: в эпоху Московского царства, время освоения Сибири. Переломным моментом в истории украинного вопроса для Достоевского являются эпоха Петра Первого и завоевания Екатерины Второй.

3. Окраины в картине мира Достоевского – это земли, где происходит столкновение западной цивилизации и православной России. В системе представлений писателя, геополитическое напряжение на окраинах в первую очередь возникает на этнокультурной, социокультурной и конфессиональной почве. Отличительной чертой этого напряжения является существующее или же латентное угнетение русского населения.

4. Проблематика украинного вопроса в творческом наследии Достоевского во многом пересекается с проблематикой еврейского вопроса. Уязвимое положение русских по отношению к инородцам, существование особого законодательства для нерусского населения, отсутствие у этого населения тенденции к ассимиляции в России и, напротив, акцентированное стремление сохранить собственную культуру и религию – эти проблемы вызывают острую реакцию Достоевского как в пределах украинного, так и еврейского вопроса.

Украинный вопрос в наследии Достоевского, безусловно, заслуживает последующего осмысления. В качестве перспективы дальнейшего исследования представляется важным изучить, какую роль отводит окраинам Достоевский в решении восточного вопроса, как преломляется украинная проблематика в свете славянского вопроса.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020/20.

Список источников

1. Витухновская М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX - начала XX века // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сборник статей. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 89-142.
2. Гаджиев К. С. Геополитика. М.: Международные отношения, 1997. 383 с.
3. Дамешек И. Л. К вопросу о типологии окраин Российской империи // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова (г. Иркутск, 28 апреля 2020 г.). Иркутск: Оттиск, 2020. С. 70-73.

4. Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 23-29.
5. Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX - начала XX века: учеб. пособие. Иркутск: ИГУ, 2015. 223 с.
6. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской модели управления XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 59-63.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1974. Т. 11. 415 с.; 1980. Т. 21. 551 с.; 1981. Т. 22. 407 с.; 1981. Т. 23. 423 с.; 1982. Т. 24. 518 с.; 1983. Т. 25. 470 с.; 1984. Т. 27. 463 с.; 1986. Т. 29. Кн. 1. 463 с. Т. 30. Кн. 1. 455 с.
8. Ермилова Г. Г. Провинция как духовно-культурный феномен: по страницам «Дневника писателя» Достоевского // Соловьёвские исследования. 2011. № 3 (31). С. 72-78.
9. Николюкин А. Н. Окраинный вопрос в мирозерцании Ю. Ф. Самарина // Николюкин А. Н. Гений места и русская литература. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 126-138.
10. Новикова Е. Г. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в контексте геополитических взглядов Ф. М. Достоевского // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 77-85.
11. Подрезов М. В. Австрия как объект геополитических и идеологических воззрений Ф. М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 118-122.
12. Подрезов М. В. Достоевский как геополитик: современная историография вопроса // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов (г. Бийск, 30 апреля 2020 г.) / отв. ред. М. С. Власов. Бийск: АГПУ им. В. М. Шукшина, 2020. С. 44-47.
13. Самарин Ю. Ф. Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморье (как введение в первую серию). Прага: Типография Скрейшовского, 1868. 187 с.
14. Саранин А. Ю. «Окраинный вопрос» в размышлениях В. В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. № 4. С. 205-207.
15. Сыноква Д. В. Полемика М. Н. Каткова и П. А. Валуева в 60-х гг. XIX в. // VII Бартеиевские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной 330-летию со дня рождения В. Н. Татищева, 200-летию со дня рождения С. А. Гедеонова, 175-летию со дня рождения В. О. Ключевского. Липецк: Издательство Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. С. 140-145.
16. Чемакин А. А. Империя и национальное государство. Страницы истории. Окраинный и инородческий вопросы // Тетради по консерватизму. 2016. № 2. С. 151-191.
17. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292-302.
18. Flint C. Introduction to geopolitics. L.: Routledge, 2012. 296 p.

Информация об авторах | Author information

Михновец Мария Владимировна¹

¹ Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург

Mikhnovets Mariia Vladimirovna¹

¹ Dostoevsky Museum, St. Petersburg

¹ mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.02.2021; опубликовано (published): 09.04.2021.

Ключевые слова (keywords): Достоевский; геополитика; картина мира; окраины; «Дневник писателя»; Dostoevsky; geopolitics; worldview; borderlands; “A Writer’s Diary”.